

АНАТОЛИЙ АГАРКОВ

КУМ ЧЕРТУ, ШУРИН КОРОЛЮ

САМЫЙ ЗАКЛЯТЫЙ ВРАГ
ПРАВА – ПРИВИЛЕГИЯ
(М. ФОН ЭБНЕР-ЭШЕНБАХ)

Анатолий Агарков

Кум черту, шури́н королю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30084030

ISBN 9785449053244

Аннотация

К чему терзания, есть оправдания – все смерти предначертаны судьбой. Роль, отведённую мне главным режиссёром, я сыграл, но отец прав – сей театр не по мне. И чтоб проститься с ним, я Млечному Пути поклялся, что всех оставшихся в живых врагов прощаю отныне раз и навсегда.

Кум черту, шурин королю

Анатолий Агарков

*Самый заклятый враг права – привилегия
(М. фон Эбнер-Эшенбах)*

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-5324-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Заинтриговал, должно быть, изрядно: уже который рассказ твержу – статус, статус, а что к чему не объясняю. Небось, подумали – чемпионом стал по боксу, раз все Увельские хулиганы мчались через дорогу со мной здороваться. Да нет, господа хорошие, кроме футбола и шахмат нигде более на спортивной стезе замечен не был. Да и там-то числился в середнячках районных.

Так в чём же дело?

А дело в том, что замуж сестра вышла, удачно вышла – по крайней мере, для меня. Зятем стал не кто-нибудь, а самый настоящий король Увелки. Впрочем, что там Увелка – они могли бы стать королями в любом другом месте, в самом большом городе. Король, как говорится, он и в Африке король.

Трое их было, трое Вовок, трое друзей – Фирсов, Попов и Евдокимов, мой зять. Однажды подружившись в ПТУ, через всю жизнь пронесли верность братству. Так уж получилось, что облюбовали они нашу Увелку – ездили на танцы, познакомились и переженились с местными девчатами. Да так и остались жить, а могли бы стать королями, ну, скажем, в Тюмени.

Людмила только начала встречаться со своим будущим мужем, а меня уже останавливала на улице шпана:

– Это твоя сестра с Евой дружит? Смотри, не заарканит – тебе кранты.

Я к сестре с расспросами.

Она:

– Ева – это от первых букв имени: Евдокимов Владимир Андреевич. И он действительно отчаянный парень – такой, что все шишкарки Увельские перед ним на цыпочках.

Сестра успешно справилась с поставленной задачей и вознесла меня на божественный Олимп, по крайней мере, в глазах одноклассников, сверстников, да и, ну, не будем скромничать – всей Увелки. Вот как-то идём толпой из школы, и гололёд во всю ширь дороги – ноги скользят, разъезжаются – падаем, и толкаться не надо. Хохочем – ну, понятно, уроки позади, а тут цирк – коровы на льду. Меня сзади лапища за плечи цап:

– Держись, Толян, а то мне совсем кранты в этих корочках. Шуруй на тротуар.

Я тихонечко-тихонечко, подошвами зимних ботинок – шорк, шорк – и с дороги. Тротуар песочком присыпан, золой.

Фирс:

– Ну, спасибо. Теперь дойду.

И ушёл. А ребята ко мне:

– Слушай, это же сам Фирс. А с тобой так запросто....

И заспорили, кто из трёх королей главный. А я-то знал: Фирс – это сила, Попич – доблесть, а Ева – всем голова.

Сначала молодые пожили у нас, а вскоре получили квартиру. Зять работал сварщиком в строительной организации, и там с этим не затягивают. Я любил бывать у них в гостях. Да к тому же племянник не заставил себя долго ждать – маленький, белобрысый озорник.

Отец, как увидел внука, выпил и расплакался:

– Вот для чего, сынок, стоит жить – чтоб дети рождались, и жизнь продолжалась.

Зятя он недолюбливал – не находил тем для общения. Да к тому же болезненно переживал потеснение своего авторитета. Но тут я ничего не мог поделать – Ева стал моим кумиром. Он был несуетлив, немногословен, никогда не начинал первым разговора, но всегда поддерживал.

Будущей тёще тоже сначала не понравился.

– Мумыра какой-то, – говаривала мама. – Ни слова сказать, ни воды принести.

А потом привыкла, полюбила, даже больше родного сына, раз оставляла такие вот записки: «Володя пирог в духовке.

Толя накорми скотину».

Надо ли говорить с каким упоением я слушал его воспоминания. Конечно же, это были рассказы не о школьных успехах (хотя Вовчик до пятого класса ходил в отличниках) и не о трудовых свершениях. Его повествования о героическом прошлом горячили мою кровь, и ещё мне хотелось понять, как они стали королями, ведь не мамки же их такими произвели на свет.

У отца относительно этого была своя теория. Однажды зятя, тогда ещё будущего, завалило на стройке в свежевырытой траншее. Он мог погибнуть, не подоспей вовремя помощь. Потом месяц лежал в больнице с сотрясением мозга.

Отец считал его психом:

– Я когда разозлюсь и потеряю над собой контроль – меня тогда попробуй взять!

Но это бывало редко. А с зятем случается каждый раз, как только в воздухе проносился запах жареного. Это я так образно выразился, и поймите меня правильно – не от запаха котлет приходил он в ярость и начинал крушить вдруг ставшими ненавистными чьи-то рожи.

Драться Ева умел и любил, но никогда не скандалил дома. Сестра любила его, а мы дружили. Никогда не докучал ему жалобами: Вова, меня побили те-то и там-то – умудрялся как-то сам решать свои проблемы. Но вот этот статус... Он не только давал пищу для размышлений – некоторых моих знакомых покоя лишил и сна. Взять хотя бы Смагу. Впро-

чем, этот тип заслуживает, чтобы о нём рассказать чуточку подробнее – тем более, это я обещал.

Наверное, в классе седьмом появился у нас новый ученик – Виктор Смагин. Он был всех старше, потому что второ­го­д­ник, и сильнее, потому что из деревни. Я всегда считал, что сельский парень, объявившись в райцентре, должен вести себя как-то поскромнее. Смагин опроверг эти догмы. Он объявил себя лидером класса и переколотил всех, с этим несогласных.

Первому досталось Илюшке Иванистову – незамедлил визит в школу старшего брата. За школьным туалетом при свидетельстве почти всего класса, Юрка легко и красиво отлупил Смагина. Тот упал на колени и в бессильной ярости стал хватать землю руками и пихать в рот.

– Падла буду, не убью! – рыдал он.

– Хочешь попинать? – предложил старший Иванистов младшему.

Но когда Илюха приблизился, Смагин кинулся на него, свалил и впился зубами в грудь. Иванистик демонстрировал потом рану – ужас! А в тот миг он заверещал истошно. Юрка попытался их растащить, но Смага, как бульдог, вцепился намертво и рычал по-собачьи. Юрка ударил его ребром ладони за ухом, и Витька отключился. Братья подняли его и забросили в мусорный бак возле туалета. Они вообще хотели утопить его в уборной, но запищали наши девочки. Они даже насмелились войти в мужской туалет, просить за своего

кумира. Витька, когда оклемался, из бака, конечно, вылез, но урок не пошёл впрок. На следующий день он отловил маленького Иванистика – тот пришёл с перевязанной грудью – и отлупил. На другой день пришёл Юрка и отлупил Смагина. Витька, надо отдать ему должное, дрался до конца – пока не отключился. А очнулся всё в том же баке. Уже с большим визгом и причитаниями выпрашивали его девчонки у разъяренного Иваниста, который намеревался-таки сунуть бездыханное тело в очко туалета.

У этого противостояния, казалось, не будет конца – избито-покусанным ходил Илья, живого места не было на лице и теле Смагина. Казалось, кто-то должен был погибнуть, чтобы кончилась эта кровавая вражда. Или уступить.

Случилось следующее.

Противники встретились возле Смагинского дома (Витьку к тому времени уже выгнали из школы).

– Заходи, – сказал он, – если не боишься.

Юрка не боялся. Смагин схватился за топор:

– Смотри, гад, что я сейчас сделаю.

Юрка стоял спокойно, смотрел и не боялся. Смага положил на колоду пятерню – хрясь топором. Мизинец полетел в пыль, и куры кинулись с ним бегать по двору. Витька поднял вверх окровавленную руку:

– Видел, падла? Когда-нибудь я тебя убью.

– Дурак ты, Смага. Тебе лечиться надо, – сказал Иванистов старший и ушёл.

А Витька сел на колоду и заплакал. Потому что больно было и душе, и телу. Зря он палец отрубил – не испугался его смертный враг, не заохал, не заахал. Дураком обозвал и ушёл. Потом Смага палец у курей отнял, сунул в карман и пошёл на танцы демонстрировать. Здесь его прихватила милиция и отвезла в больницу, а то бы истёк кровью или заражение подхватил.

Как его выгнали из школы? За математичку. Был в классе такой подлый приём – из трубочки плевать в шевелюру учительницы, пока она спиной стоит, у доски объясняя, или по рядам ходит, заглядывая в тетрадки. Причёски тогда густые в моде были. Мы плюём, она ничего не замечает, а домой придёт – вся шевелюра в пластилине.

Многим от нас так доставалось. Но никто не смел покушаться на Ксению Михайловну. Уважали – была она строгая, но справедливая. Фронтовичка бывшая, инвалид – осколками снаряда оторвало ей в бою руку и ногу. Рука так и осталась обрубышем, а ногу ей заменили деревянной.

Вот этот самый Смага стал оплёвывать пластилином математичку, рисовавшую геометрические фигуры мелом на доске. Она, конечно, не видела и не чувствовала. Тогда паршивец вооружился резинкой и запустил пульку из алюминиевой проволоки в доску – то ли промазал, то ли попугать хотел.

– Смагин, ты? – спрашивает Ксения, не оборачиваясь.

А кто же ещё?

– Я, – говорит Витька.

Математичка мел положила:

– Ну, извини, брат. Зуб за зуб, око за око.

И идёт к нему, сильно припадая на протез – костыль-то в руке держала, как дубинку.

Смага испугался и в окошко выпрыгнул со второго этажа. Сломать-то, кажется, ничего не сломал, но губу нижнюю прокусил. То ли слюна у него ядовитая, может, ещё какая причина, – распухла она у него так, что лица было не узнать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.